

Критика и библиография.

Против идеалистического извращения марксовой теории денег.

„Капитал“ К. Маркса представляет собой непревазойденное произведение, построенное на применении метода диалектического материализма в политической экономии. Систематически проследить применение Марксом материалистической диалектики на протяжении трех томов Капитала и изложить результаты этого исследования в небольшой книге несомненно необходимо. Книга И. А. Кушина „Диалектическое строение Капитала К. Маркса“ по заявлению ее автора и имеет своей целью выполнить указанную задачу. Однако, работа Кушина не может быть признана удовлетворительной, так как она отнюдь не способствует правильному усвоению Капитала, наоборот, у читателя может создаться превратное понимание основ Марксовой политической экономии.

В настоящем очерке мы не предполагаем давать оценки всей книги Кушина, мы ограничимся только критическим рассмотрением Кушинской интерпретации Марксовой теории денег. Самый характер книги Кушина и цель нашего очерка предопределяют построение последнего — наилучший способ выявления ошибок Кушина это непосредственное сопоставление приписываемых им Марксу взглядов с тем, что в действительности писали К. Маркс и его ближайший соратник — Ф. Энгельс.

Как известно, теория денег Маркса является диалектическим развитием его же теории товара, теории стоимости. Открытие, сделанное Марксом в этой последней области заключается в обнаружении двойственного характера труда, производящего товары — труда конкретного и труда абстрактного. Что же собой представляет этот Марксов абстрактный труд в освещении Кушина?

„Труд товаропроизводителя обнаруживает, говорит он, свой общественный характер, лишь как безразличный абстрактный, и, кроме того, всеобщий труд, ибо под эту всеобщую форму труда товаропроизводителя подойдет одинаково хорошо труд в любой области общественного производства. Это — отвлеченно взятый труд всех отраслей производства. Это — абстрактно всеобщий труд.. Вещь, выступая как товар, должна выступать при этом как вещь, лишенная *всех своих особых материальных свойств*“¹⁾ (с. 9).

Следовательно, одна из характеристик абстрактного труда заключается в том, что он является трудом материальным, но в то же время лишенным *особых конкретных свойств*, например, свойств труда сапожника, токаря и т. п. Такая трактовка абстрактного труда является правильной и не противоречит взглядам Маркса. Тем не менее мы вынуждены были остановиться на этом вопросе, ибо в дальнейшем Кушин вносит в понятие абстрактного труда, с виду безобидную, поправку, которая на самом деле в корне изменяет представление об абстрактном труде, он опускает слово „особых“ и трактует абстрактный труд, как труд, лишенный материальных свойств вообще.

На той же 9 странице мы читаем дальше: „Стало быть, если товар должен выступать как воплощение всеобщего абстрактного безразличного труда, то он должен выступать как вещь, состоящая *как бы не из материи, не из вещества*, но из одного безразличного всеобщего абстрактного труда“. На стр. 12 Кушин снова трактует стоимость, а, следовательно, и ее субстанцию — абстрактный труд, как труд, лишенный *всяких* материальных свойств. „Продукт, будучи особой потребительной стоимостью, оказывается вместе с тем и стоимостью, вещью, лишенной *всяких материальных свойств*“.

Прежде всего, необходимо выяснить, каким образом у Кушина на одной и той же странице уживаются столь различные трактовки абстрактного труда: первая абстрактный труд — это труд, лишенный *особых* материальных свойств и вторая абстрактный труд — это труд, лишенный *всяких* материальных свойств, материальных свойств вообще. Дело, как нам кажется, объясняется тем, что Кушин сознательно или бессознательно идет по проторенной большинством ревизионистов дорожке — вначале в качестве дымовой завесы преподносится положение близкое Марксу, чтобы после того, когда бдительность читателя усыплена, начать полегоньку проводить свои собственные взгляды, отличные от Марксовых.

В дальнейшем мы будем иметь возможность показать, что этим приемом Кушин пользуется неоднократно.

1) Всяду подчеркнуто мною.

Не подлежит никакому сомнению, что Марксов абстрактный труд отнюдь не является нематериальным. В подтверждение приведем выдержки из „К критике“ в Капитала.

„Потребительные стоимости суть непосредственно средства существования. Но, обратно, эти средства существования сами суть продукты общественной жизни, результат затраченной человеческой жизненной силы, *овеществленный труд*. Как *материализация общественного труда*, все товары представляют собой кристаллизацию одного и того же единства. Определенный характер этого единства, т.-е. труда, проявляющегося в *меновый стоимости*, мы должны теперь рассмотреть... *Труд, определяющий меновую стоимость есть абстрактно-всеобщий труд*“ (К критике, с. 62—63).

„При помощи отношения стоимостей натуральная форма товара—В становится формой стоимости товара А, иди тело товара В становится веркалом стоимости товара А. Товар А, относясь к товару В как *к телу стоимости*, как к *материализации человеческого труда*, делает потребительскую стоимость В материалом для выражения своей собственной стоимости“ (Капитал, т. I, стр. 15—16).

Кушинская трактовка абстрактного труда, в отличие от Марксовой, является идеалистической. Кушинский абстрактный труд лишен не только особых материальных свойств, но и вообще имматериален. Такого рода абстракция отнюдь не в духе Маркса, Энгельса и Ленина, она противоречит методу диалектического материализма. Имматериальный труд это „математическая нереальность“, это *только мысль* о труде. Такое понимание очень близко подходит к интерпретации новейшей буржуазной политической экономии, так называемой социальной школы. Кушинский абстрактный труд это только понятие, выражающее общественное отношение, оторванное от материального процесса производства. Это обстоятельство и дает нам право утверждать, что мы имеем в данном случае дело не с диалектическим материализмом, а с идеализмом, ибо „с точки зрения диалектического материализма философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное, чрезмерное развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, *оторванный от материи*, от природы, обожествленный (В. И. Ленин—К вопросу о диалектике).

Идеалистическая трактовка абстрактного труда Кушным наложила свой отпечаток и на понимание им денег. „Только деньги есть форма стоимости, в действительности, соответствующая ее существу. В самом деле в стоимости должен выражаться всеобщий общественный труд в безразличной для всех его особых проявлений абстрактной форме. *Деньги выражают этот труд не конкретно. Деньги* не обладают сами всеми особыми свойствами всех особых продуктов. *Они выражают любой вид труда лишь абстрактно* в виде признака, общего всем особым видам труда, если отвлечься от всех их особенностей... *Деньги служат абстрактным выражением всеобщего общественного труда*“ (с. 19).

Поскольку по Кушину абстрактный труд не материален, деньги не могут конкретно выражать всеобщий общественный труд, они служат лишь абстрактным его выражением. Кушни вводит нас, таким образом, в мифическое царство теней, лишенное всего материального, конкретного. Идеалистическая трактовка абстрактного труда подводит Кушина в вопросах денег вплотную к номиналистической теории, которую, как известно, Маркс считал глубоко ошибочной. „То обстоятельство, что товары в своих ценах превращаются в золото только идеально, и поэтому золото только идеально превращается в деньги, породило теорию идеальной единицы — меры денег“. „Из того факта, что в акте обращения благородные металлы могут быть замещены знаками, Беркли заключает, что эти знаки, в свою очередь *представляют только абстрактное понятие стоимости, т.-е. не представляют ничего*“ (К критике, с. 117 и 120).

Маркс, давший блестящую критику номиналистической теории денег, изображается Кушным как идеалист-номиналист. Маркс не удовольствовался критикой различных теорий денег, в том числе и номиналистической, но противопоставил им свою насквозь материалистическую, диалектическую теорию денег. Выводы его по обсуждаемому вопросу сводятся к следующим положениям: деньги — всеобщий эквивалент. Общественный акт выделяет из среды товаров один, особенный товар и с его натуральной формой сростается всеобщий эквивалент. Денежный товар—золото является непосредственным овеществлением, материализацией, носителем абстрактного труда.

„Особенный товар, представляющий, таким образом, адекватное бытие меновой стоимости всех товаров, или меновая стоимость товаров в виде особенного, выделенного товара, и есть деньги. Это—*кристаллизация меновой стоимости товаров*, создаваемая ими в процессе обмена. *Деньги не символ* как не является символом бытие потребительной стоимости в форме товара“ (К критике, стр. 86) ¹⁾.

„Тело товара, служащего эквивалентом, всегда представляет *воплощение абстрактного человеческого труда* и всегда в то же время есть продукт определенного, полезного, конкретного труда“ (Капитал, т. I, с. 20). „Адекватной формой проявления стоимости или *материализацией абстрактного* и, следовательно, равного человеческого труда может быть лишь такая материя, все экземпляры которой обладают одинаковым качеством“ (Капитал, т. I, с. 46).

В книге Кушина взгляды Маркса на материальное бытие денег отразились как в кривом зеркале.

Товар является единством потребительной стоимости и стоимости, т.-е. диалектическим единством противоположностей. Это внутреннее противоречие товара разрешается в его движении, раздвоенно на собственно товар и эквивалент и переходе товара в процессе обмена в форму эквивалента. Как же Кушин изображает это установленное Марксом разрешение противоречия товара?

„Это противоречие, говорит он, разрешается тем, что стоимость товара, например, холста, выражается не в его собственной, а в другой потребительной стоимости, например, в сюртуке, обладающем иными материальными свойствами, чем холст и значит представляющем отрицание всех

¹⁾ См. там же стр. 83, 85, 104, 109, 173, 192.

материальных свойств холста (не только особых, но вообще всех материальных свойств Б. Б.). Тогда холст как потребительная стоимость и холст как стоимость — вещи разные. Холст, если он выступает как потребительная стоимость, так и остается холстом с его особыми материальными свойствами. Холст же как стоимость это совсем другая вещь, это сюртук. *Холст в таком случае перестает быть противоречивой вещью* (с. 212). Таким образом, разрешение противоречия товара равносильно по Кушину его снятию, уничтожению. В какой мере Кушин излагает действительную точку зрения Маркса? Обращение к тексту „Капитала“ показывает, что Кушинское разрешение противоречий товара находится в кричащем, отнюдь не диалектическом противоречии с взглядами Маркса. Маркс счел необходимым особо подчеркнуть, что разрешение противоречия не состоит в его устранении. „Мы видели, говорит Маркс, что процесс обмена товаров заключает в себе противоречия и исключают друг друга отношения. Развитие этого процесса, который обнаруживает двойственный характер товара, являющегося потребительной стоимостью и стоимостью, и приводит к разделению товарного мира на простые товары и денежный товар, *не устраняет этих противоречий, но создает форму для их движения*“ (Капитал, т. I, о 57).

Снять, устранить противоречие товара может только социалистическая революция. Социалистическая революция устраняет внутренние противоречия товарно-капиталистического общества, придающие продукту труда характер товара со свойственным ему противоречием между потребительной стоимостью и стоимостью. До тех пор, пока существует капиталистическое общество, товар не может, вопреки Кушину, перестать быть противоречивой вещью. Оборот стихийно может, лишь создать форму, в которой противоречие *проявляется, осуществляется и разрешается*. Это единственный диалектический метод для разрешения действительных противоречий, пока не созрели условия для полного устранения условий их породивших.

Что Маркс мыслит разрешение внутренних противоречий в их внешнем проявлении и осуществлении видно из следующего: „Скрытое в товаре *внутреннее противоречие* между потребительной стоимостью и стоимостью выражается, таким образом, при помощи внешнего противоречия“ (Капитал, т. I, с. 23). „На обеих сторонах мы находим товары, представляющие единство потребительной стоимости и меновой стоимости. Но на каждом из двух полюсов единство этих различий *осуществляется* в противоположном смысле, а потому представляется в то же время их взаимоотношением. Товар реально есть потребительная стоимость, его бытие как стоимость лишь идеально существует в цене, которая выражается в противостоящем товару золоте, как *реальном образе его стоимости*. Наоборот, *вещество золота играет роль лишь материализации стоимости*, т.-е. денег. Поэтому золото *реально* есть меновая стоимость. (Дополнительное доказательство неправильного толкования Кушиным выражения деньгами стоимости Б. Б.). Его потребительная стоимость лишь идеально обнаруживается в ряду относительных выражений стоимости, при помощи которых оно относится к противостоящим ему товарам, как к совокупности своих реальных потребительных форм. *Эти противоположные формы товаров представляют действительные формы их движения в процессе обмена*“ (Капитал, т. I, с. 58).

В то время, как по Марксу разрешение противоречия происходит через создание формы для его осуществления, „диалектик“ Кушин, новидимо, считает разрешение противоречия несовместимым с его осуществлением. „Диалектическое“ мышление Кушина идет по схеме „или-или“ — или осуществление, в таком случае нет разрешения, или же разрешение, тогда нет осуществления, а есть устранение, снятие. Но насколько нам известно, такого рода мышление принято называть не диалектическим, а метафизическим.

Денежная форма стоимости, разрешающая противоречие товара, является продуктом длительного исторического, а, следовательно, диалектического развития. Ей исторически и логически предшествует всеобщая форма стоимости, которая в свою очередь возникла из развернутой. Отличие всеобщей формы от денежной заключается в том, что изолированное положение в качестве всеобщего эквивалента не стало еще окончательным уделом одного только специфического особенного товарного вида. Но и при всеобщей форме в отличие от развернутой в каждый данный момент эквивалентом служит один единичный товар. Роль эквивалента попеременно выполняют различные товары пока в результате естественного отбора роль всеобщего эквивалента не переходит к золоту и с ним окончательно не срастается. Всеобщая форма переходит в денежную. Кушин в начале дает характеристику всеобщей формы стоимости, совпадающей с Марксовой. Он говорит: „сюртук, водка, пшеница и т. д., взятые отдельно обладают теперь формой, выражающей только их потребительную стоимость. Их стоимость имеет форму холста, который обменивается на них. *Их стоимость обладает в этом случае только формой холста и не обладает формой никакой другого товара*“ (с. 17). Следовательно, Кушин устанавливает, что при всеобщей форме эквивалентом служит только один товар. Однако, не этой фразой характеризуются действительные взгляды Кушина, она является как и в случае определения абстрактного труда только дымовой завесой. Действительные взгляды Кушина проявляются через несколько строк. Кушин продолжает: „Однако, как сюртук выражает свою стоимость, обмениваясь на холст, так и холст выражает свою стоимость, обмениваясь на сюртук. Правда, на холст могут обмениваться не только сюртук, но и водка и пшеница, и железо и т. д. Однако, и на водку могут обмениваться не только холст, но и сюртук, и пшеница и т. д. *Значит не только холст является общей формой для выражения стоимости сюртука, водки, пшеницы и т. д., но и сюртук является не менее всеобщей формой для стоимости холста, сюртука, пшеницы и т. д. Всякий товар оказывается всеобщей формой стоимости тех товаров, которые обмениваются на него, их всеобщим эквивалентом... Всеобщая форма стоимости... снова превращается в развернутую форму стоимости*“ (с. 17, 18).

Кушин не видит качественного своеобразия всеобщей формы стоимости, у него она ничем не отличается от развернутой формы. В то время, как Маркс установил, что в данном кругу товаропроизводителей, связанных меновыми отношениями, в каждый данный момент всеобщим эквивален-

том служит только один товар, при чем роль такого товара попеременно выпадает на долю различных товаров, Кушин считает, что при всеобщей форме таким эквивалентом одновременно являются все товары. В то время, как Маркс установил, что всеобщая форма переходит непосредственно в денежную, Кушин заявляет, что всеобщая форма снова превращается в развернутую.

Следующая выдержка из Капитала подтверждает отличие Кушинских положений от Марксовых. „Эта всеобщая эквивалентная форма появляется и исчезает вместе с тем мимолетным общественным контактом, который вызвал ее к жизни. *Попеременно* выпадает она на долю то того, то другого товара. Но с развитием товарного обмена она прочно и исключительно срывается лишь с определенными видами товаров, или кристаллизуется в денежную форму“ (Капитал, т. I, с. 45).

В высказываниях Кушина о всеобщей форме стоимости проявилось полное незнание основных законов диалектики.

По Марксу, как известно, первой формой стоимости является простая или единичная, вторая форма—развернутая является отрицанием простой, третья форма — всеобщая является отрицанием отрицания или новым утверждением. Когда в роли всеобщего эквивалента окончательно утверждается один—единственный товар всеобщая форма переходит в денежную. По Кушину диалектическое развитие форм стоимости оказывается иным: всеобщая форма стоимости снова превращается в развернутую, качественно ничем не отличающуюся от первой развернутой формы, из которой возникла сама всеобщая форма. Из второй развернутой формы появляется денежная форма.

„Диалектика“ Кушина представляет собой безсходный круг, в котором движутся категории одного и того же качества, возвращающиеся в исходное положение. Диалектика — весьма своеобразная. Во всяком случае мы не нашли у Маркса оснований для такого рода толкования диалектического развития форм стоимости. Оно целиком является изобретением Кушина.

Переходя к отдельным функциям денег, Кушин устанавливает следующее различие между мерилем стоимости и масштабом цен. „Превращение в сознании товаровладельцев действительного реального товара в идеальные деньги отнюдь не является действительным превращением товара в деньги. *Деньги служат здесь лишь качественным материалом*, к которому товар мысленно приравнивается по своему качеству. Если товар мысленно лишен своих качеств и мысленно превращен в золото, то после этого при посредстве сравнения с *определенным количеством золота, принятым за масштаб*, должно быть определено, *какое количество золота* представляет данный товар в сознании товаровладельцев. В этом случае стоимость товара получит внешнее выражение как цена товара, т. е. как известное *количество кусков золота определенной величины*. Эта форма есть форма цены товара. Цена товара это его стоимость, выраженная в деньгах. Поскольку деньги имеют лишь значение мерила стоимости и масштаба цен, постольку речь идет о деньгах, существующих лишь в сознании товаровладельцев“ (с. 21).

Правильное марксистское положение, согласно которому в мериле стоимости надо различать две стороны, у Кушина превращается в их разрыв, мерило стоимости оказывается только качественным мерилем, а масштаб цен количественным мерилем стоимости. По Марксу мерило стоимости является одновременно и качественным и количественным мерилем, что же касается масштаба цен, то он является только техническим приспособлением денежного товара к выполнению функции мерила стоимости. В „К критике политической экономии“ Маркс писал: „Так как все товары измеряют свои меновые стоимости в золоте..., то золото становится мерой стоимостей... Меновая стоимость всех товаров выражается теперь в золоте. В этом выражении следует различать моменты—качественный и количественный. Меновая стоимость товаров существует как материализация одного и того же однородного рабочего времени; *величина стоимости товара представлена исчерпывающим образом*, так как в том же отношении, в котором товары приравниваются золоту, они приравниваются и друг к другу. *С одной стороны*, здесь проявляется всеобщий характер содержащегося в них рабочего времени, с *другой стороны*—количество последнего в их золотом эквиваленте. Меновая стоимость товаров, выраженная, таким образом, как всеобщая эквивалентность и *одновременно* как степень этой эквивалентности в одном специфическом товаре или выраженная в единственном уравнении товара с одним специфическим товаром и есть цена“ (К критике, с. 105).

Таким образом, установление и качественной, и количественной стороны стоимости относится к функции мерила стоимости, это две стороны одного и того же явления неразрывно друг с другом связанные. Маркс говорит об исчерпывающем выражении величины стоимости товара функцией мерила стоимости, говорит о цене товара задолго до того, как он впервые произносит слова „масштаб цен“. Появление последнего он связывает именно с технической необходимостью. „При наличии процесса, превращающего золото в меру стоимостей, а меновую стоимость — в цену, все товары в своих ценах являются еще только мысленно представляемыми количествами золота равной величины. Как такие различные количества одной и той же вещи золота, они равны друг другу, сравниваются и измеряются друг с другом; таким образом, возникает *техническая необходимость* относить их к *определенному количеству* золота, как к единице-мере; последняя развивается далее в масштаб таким образом, что она делится на равные части“ (К критике, с. 110).

Маркс неоднократно подчеркивал, что количественному сравнению должно предшествовать качественное приведение к единству. „Величины различных вещей могут быть количественно сравниваемы *лишь после того, как они сведены к одной и той же единице измерения*“. „По отношению к величине стоимости имеет значение лишь количество труда, при чем последний *должен быть уже приведен к человеческому труду без всякого дальнейшего качества*“ (Капитал т. I, с. 9—10 и 13). Тем не менее различие качественной и количественной стороны стоимости и установление их последовательности в теоретическом анализе Маркс нигде и никогда не переносил в конкретную действительность. Товарпроизводитель с его „здравым смыслом“ не может себе представить произведенный им товар как золото вообще, чтобы затем представить себе его как определенное количество золота. Что же касается Кушина, то у него простые товаропроизводители, агенты товарно-

капиталистического общества, оказываются в состоянии представить себе качество стоимости без количества. В действительности не существует ни качества без количества, и, количества без качества. Только в теоретическом анализе можно и должно для определенных целей рассматривать (и только на определенной ступени анализа) отдельно качество от количества, не забывая при этом, что они составляют в действительности единство.

Деньги выполняют различные функции, в частности являются сокровищем. Кушин усматривает в сокровище следующее противоречие: „во-первых, всякое сокровище необходимо представляет собой ограниченную по своим размерам денежную сумму. Ограниченная же денежная сумма может превратиться лишь в некоторое ограниченное количество особых товаров. Тем самым сокровище оказывается лишь ограниченным выражением общественного характера товаропроизводителей. *В нем выражается особый частный труд части общества, вместо всеобщего общественного труда.* Правда, сокровище может быть превращено в товар любого особого рода. Однако, если в действительности оно будет превращено в товары одного рода, то тем самым его нельзя будет уже превратить в товары другого рода. Стало быть, хотя сокровище и выражает собой какой-либо особый вид труда, *но оно всегда является выражением лишь особого, но не всеобщего общественного труда** (с. 25).

Кушин прав, когда он ищет противоречие функции сокровища в области качества-количества, но он неправ, когда на том основании, что данное сокровище может быть превращено лишь в ограниченное количество товаров, заявляет, что сокровище является выражением лишь особого, а не всеобщего общественного труда. Маркс в отличие от Кушина, рассматривая сокровище только как материализацию абстрактного богатства буржуазного общества, т.-е. воплощение всеобщего, абстрактного, общественного труда. „Рассмотрим теперь, говорит он, находящийся в покое товар — золото, который является деньгами, в его отношении к другим товарам... В противоположность товарам, которые являются только представителями самостоятельного бытия меновой стоимости, всеобщего общественного труда, абстрактного богатства, *золото есть материальное бытие абстрактного богатства... Золото—материальный представитель вещественного богатства...* Оно одновременно по форме своей является непосредственным воплощением всеобщего труда, а по содержанию представляет совокупность всех видов реального труда. Оно есть всеобщее богатство, как отдельный индивид“ (К критике, с. 172—173).

Противоречив между качественной стороной сокровища, т.-е. тем, что золото является материализацией всеобщего абстрактного богатства и его количественной ограниченностью у отдельного товаропроизводителя, Кушин „разрешает“ таким образом, что он вовсе устраняет, снимает качественную характеристику сокровища. Из единства противоположностей качества-количества сокровище превращается в простое тождество.

Как и при разрешении противоречия товара деньгами, Кушин и в данном случае не мыслит себе разрешения противоречия, иначе как путем его снятия. И такого рода диалектика приписывается Марксу, в то время, как он в вопросе разрешения противоречия сокровища дал блестящий образец применения действительного диалектического метода: „Стремление к накоплению сокровищ по природе своей безмерно. Качественно или по своей форме деньги не имеют границ, т.-е. являются всеобщим представителем всеобщего богатства, потому что они непосредственно могут быть превращены во всякий товар. Но в то же время каждая реальная денежная сумма количественно ограничена, является средством купли с ограниченной покупательной способностью. Это противоречие между количественной границей и качественной безграничностью заставляет собирателя сокровищ *все снова и снова предпринимать сизифов труд накопления*“ (Капитал, т. I, с. 81).

В чем же состоит этот сизифов труд накопления, этот бесконечный процесс образования сокровищ. Новое образование сокровищ не мыслимо без того, чтобы сокровище не переходило бы в свою противоположность, т.-е. без того, чтобы деньги не вступили бы снова в обращение. Для умножения сокровищ товаропроизводитель начинает заново процесс воспроизводства, деньги, находящиеся до этого в состоянии покоя пускаются в обращение как покупательное или платежное средство за орудия производства, сырье и т. д. С развитием капиталистического способа производства сокровище для его умножения может быть, кроме того, использовано его владельцем в качестве ссудного капитала. Таким образом, внутреннее противоречие сокровища проявляется и разрешается в процессе движения, в переходе его в свою противоположность. Для Маркса характерно то, что он как действительный диалектик рассматривает и в данном случае покой как момент движения „Даже в виде сокровища, резерва и т. д., говорит он, они остаются хотя и в скрытом виде в сфере обращения“ („Капитал“, т. II, с. 83).

Продолжая анализ сокровища Кушин делает новое открытие. „Поскольку сокровище изъято из обращения, постольку деньги, из которых оно состоит, лишены способности превращаться в другие товары. Это деньги, которые лишены (до тех пор пока они являются сокровищем) способности быть формой для выражения какого-либо труда, *кроме частного, особого труда золотопромышленника. Они перестают быть воплощением общественного труда, т.-е. вообще перестают быть деньгами** (с. 25, 26). Здесь у Кушина все представлено в превратном виде. Именно потому, что деньги являются материализацией всеобщего богатства, что они качественно обладают неограниченной способностью превращаться в любые товары, они застывают в сокровище. Именно, в качестве действительных денег, в отличие от мерила стоимости и орудия обращения, они являются формой денег, сростшейся с материальной формой особого товара, материальным воплощением всеобщего общественного труда. Тот факт, что воплощение всеобщего, абстрактного общественного труда происходит в форме выделения особого товара—золота, является исторической необходимостью для товарно-капиталистического общества вследствие присущих ему внутренних противоречий. Продукт частного труда золотопромышленника вступает в обращение как материализация всеобщего общественного труда и остается в качестве таковой независимо от того, находится ли золото в обращении или застывает в виде сокровища.

„Деньги, говорит Энгельс в своей рецензии на „К критике“, или простое обращение рассматриваются затем во второй главе, а именно: 1) деньги как мерило стоимости, 2) как средство обращения, 3) как единство обоих определений, как реальные деньги, как представитель всего материального буржуазного богатства (К критике, с. 12).

До сих пор мы обсуждали отдельные положения, выдвинутые Кушиным и показали, что они ни в какой мере не отражают того, что действительно имеется в Капитале. Теперь мы можем перейти к более общим вопросам. Первый из этих вопросов состоит в так называемой диалектике понятия. Первая глава книги Кушина названа „Диалектика развития товара“ и построена она по принципу саморазвития понятия, без какой-либо связи с реальными процессами, происходящими в обществе. Вторая глава доказывает, что логическое развитие понятий не соответствует историческому развитию. Мы пока оставляем это второе утверждение и остановимся только на первом. Вопрос, который нас в данном случае интересует, заключается в том, допустимо ли изображать диалектическое строение Капитала как саморазвитие понятия.

В качестве примера такого саморазвития понятия приведем следующую выдержку из книги Кушина: „Понятие о всеобщей форме стоимости само собой возникает из развития понятия о полной развернутой форме стоимости и является отрицанием последней“ (с. 15).

Маркс в отдельных местах Капитала внешне как-будто дает повод к такого рода изображению диалектического строения Капитала, но именно только внешне. Например, говоря о развитии форм стоимости, Маркс, между прочим, замечает: „единичная форма стоимости сама собой переходит в более совершенную форму“ (Капитал т. I, с. 23). Однако, сравнение этих выдержек из Кушина и Маркса показывает, что речь в них идет о различных вещах: у Кушина понятие о форме возникает само собой из развития понятия о другой форме, у Маркса форма как таковая возникает сама собой на другой формы; у Кушина возникновение понятия есть результат логических упражнений мыслящего субъекта, у Маркса развитие форм стоимости — объективный процесс, а развитие понятий лишь отражение этого процесса. На той же 23 странице Маркс объясняет каким образом единичная форма сама собой переходит в более совершенную. „По мере того, говорит он, как один и тот же товар вступает в меновые отношения, с каждым из этих других видов товара, возникают различные простые выражения его стоимости... Единичное выражение стоимости товара превращается, таким образом, в ряд различных простых выражений его стоимости, при чем ряд этот может быть удлинён произвольно“.

Кушин воспользовался формой первой главы „Капитала“ для того, чтобы изобразить Маркса чистой водой гегелианцем, но если бы Кушин был объективным исследователем, он вскрыл бы за формой первого раздела „Капитала“, в котором, как сам Маркс говорит, он кокетничал гегелианством, его действительное материалистическое содержание. Кушиным руководит, предвзятая цель — представить Маркса не материалистом, а идеалистом, поэтому он всячески напирал на форму „Капитала“ и при этом несомненно* его извращает.

Изображать диалектику Капитала как саморазвитие понятия после того, что было сказано Марксом и Энгельсом о гегелевском методе просто чудовищно. Энгельс, например, писал: „Для Гегеля диалектика является саморазвитием понятия... Оно развивается само собой, проходя через ряд ступеней, заключенных в нем самом... Это идеологическое представление необходимо было поставить с головы на ноги. И мы снова взглянули на наши понятия материалистически, как на отражение действительных вещей и перестали смотреть на действительные вещи как на отражения абсолютного понятия на той или иной ступени его развития“ (Энгельс—Людвиг Фейербах, с. 29).

Маркс, который в послесловии ко второму изданию „Капитала“ сформулировал отличие своего диалектического метода, от метода Гегеля (см. „Капитал“, т. I, с. XL), собственно говоря, еще в „К критике“ отрицательно отзывался о логическом саморазвитии понятия, которое Кушин ему приписывает. „Философское сознание отличается тем, что для него логическое мышление—это действительный человек, а логически осознанный мир—действительный мир... конкретная совокупность, в качестве мысленной совокупности, мысленной конкретности есть действительно продукт мышления, однако, это ни в коем случае не продукт понятия саморазвивающегося вне наглядного созерцания и представления, а переработка созерцания и представления в понятия“ (К критике, стр. 37).

Мы могли бы удвоить, утроить выдержки из произведений Маркса и Энгельса, однако, мы думаем, что и приведенных достаточно, чтобы подтвердить нашу мысль, что изображать диалектическое строение Капитала, как саморазвитие понятия, значит глумиться над этим исключительным памятником материалистической диалектики.

Второе общетеоретическое положение, выдвинутое Кушиным, заключается в том, что логическое развитие понятий отнюдь не совпадает с историческим развитием. Этим Кушин стремится завершить свое идеалистическое изображение диалектики Капитала. Общая формулировка этого тезиса дана Кушиным в следующем виде: „Развитие понятия о товаре уже скрывает под собой развитие понятия об обществе товаропроизводителей... здесь следует указать, с одной стороны, что переход от наиболее простых неразвитых форм понятия об обществе товаропроизводителей к развитому понятию о действительных особых формах этого общества отнюдь не совпадает вообще с развитием самого общества товаропроизводителей в исторической действительности от его наиболее простых и неразвитых форм до перехода капиталистического общества в коммунистическое. С другой стороны, не следует забывать я того обстоятельства, что в известном смысле и в известных пределах такое совпадение существует“. Последнее „с другой стороны“, т.е. признание Кушиным

совпадения логического и исторического развития является, как и следовало ожидать, лишь фигурным листком. Когда Кушин переходит к отдельным формам стоимости и сопоставляет их с историческим процессом развития товарного общества, он „уточняет“ эту мысль — совпадение оказывается лишь поверхностным только по внешности и в ограниченных пределах, по существу же его нет. Таким образом, сохраняет силу только мысль, высказанная Кушиным в фразе, начинающейся словами „о одной стороны“, т. е., что логическое развитие понятий не совпадает с историческим развитием товарного общества. Как и во всей работе и это положение приписывается Кушиным Марксу.

Действительные взгляды Маркса и Энгельса ничего общего, однако, не имеют с такого рода положениями. Говоря о революции, произведенной Марксом в диалектике, Энгельс заканчивает: „Таким образом, сама диалектика понятий стала только сознательным отражением диалектического развития действительного мира“. (Л. Фейербах, с. 29). В „Диалектике природы“ Энгельс также пишет, что диалектические законы это законы реального развития. „Мы не собираемся, говорит он, писать здесь руководство по диалектике, а желаем только показать, что диалектические законы являются реальными законами развития природы и, значит, действительными и для теоретического естествознания“. Мы считаем необходимым здесь подчеркнуть, что приматом для суждения о правильности диалектических законов является их осуществление в реальном развитии природы, только по этому они действительны для теории науки“ (с. 157).

По непосредственно относящемуся в нашей теме вопросу Энгельс выразил свой взгляд в рецензии на „К критике“ в следующих словах: „Логический метод исследования является единственно подходящим. Последний, однако, есть тот же исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих стройность исторических случайностей. Логический ход мысли должен начать с того, с чего начинается и история, и его дальнейшее развитие будет представлять собой не что иное, как отражение в абстрактной и теоретически последовательной форме исторического процесса“ (К критике, с. 10).

Собственно говоря, приведенное авторитетное суждение Энгельса совершенно достаточно для того, чтобы отвергнуть общее утверждение Кушина о том, что логическое развитие не соответствует историческому, но не лишне будет показать, что конкретизация этого тезиса в применении к развитию форм стоимости обнаруживает полярную противоположность между малозначимой мыслью Капитала Кушиным и его действительным содержанием.

Первой формой меновой стоимости является единичная или простая форма. „В исторической действительности, говорит Кушин, соприкосновение независимых друг от друга обществ вело к возникновению между ними обмена, который первоначально имел место лишь случайно в единичных случаях. Этот единичный обмен по своей внешней форме является осуществлением понятия о простой единичной форме стоимости. Однако, если, с одной стороны, по внешности этот обмен и обладает простой формой стоимости, то, с другой стороны, по существу, он еще не обладает этой формой“ (с. 25). Итак, по Кушину простая форма стоимости по существу на практике в истории никогда не осуществлялась. По Марксу же, напротив, она встречается на практике именно на первых ступенях развития товарного общества. Анализируя простую форму стоимости, Маркс заключает: „Отсюда следует, что простая форма стоимости товара есть в то же время простая товарная форма продукта труда, что поэтому развитие товарной формы совпадает с развитием формы стоимости“. („Капитал“, т. I, с. 23). Это чрезвычайной важности методологическое замечание Маркса предопределяет решение вопроса в целом — развитие форм стоимости совпадает с развитием товарного общества. В дальнейшем придется лишь иллюстрировать совпадение отдельных форм с определенными этапами. В частности, несколькими страницами дальше Маркс снова возвращается к простой форме стоимости и говорит „на практике эта форма встречается, очевидно, лишь при первых зачатках обмена, когда продукты труда превращаются в товары лишь в исключительных и случайных актах обмена“ („Капитал“, т. I, с. 26). В то время, как Кушин заявляет, что простая форма по существу не осуществляется, Маркс указывает, что эта форма встречается в конкретной действительности при возникновении товарного общества. Никаких оговорок о том, что она встречается только внешне, а не по существу, Маркс, в отличие от Кушина, не делает.

Вторая форма стоимости — развернутая. Относительно этой формы Кушин говорит „Развитие общества товаропроизводителей в исторической действительности снова обнаруживает черты сходства с развитием понятия об этом обществе. Соприкосновение между отдельными общинами, имевшее место вначале в случайных и единичных случаях обмена, влечет за собой расширение этого соприкосновения и повторение случаев обмена. Продукты одной общины начинают обмениваться на самые разнообразные продукты других общин. Разложение первобытного общества приобретает тем самым новую особую форму, являющуюся отрицанием той его особой формы, когда обмен носил характер лишь единичных случайных событий. Обмен теперь приобретает форму, по своей внешности являющуюся осуществлением полной развернутой формы. Однако, и в этом случае обмен по существу дела лишен этой формы“. Как и следует ожидать, действительная точка зрения Маркса по вопросу об осуществлении этой формы на практике прямо противоположна утверждениям Кушина. „Развернутая форма стоимости впервые осуществляется фактически тогда, когда один какой-нибудь продукт труда, например, скот, уже не в виде исключения, а как общее правило, обменивается на многие другие товары“ („Капитал“, т. I, с. 26). И в данном случае Маркс никаких оговорок о внешнем лишь осуществлении этой формы не делает, а попросту говорит о том, что эта форма осуществляется, следовательно, не только внешне, но и по своему содержанию.

Третья форма стоимости — всеобщая. И в данном случае Кушин констатирует лишь поверхностное совпадение с действительным развитием общества товаропроизводителей, однако, „действительного совпадения между развитием понятия и развитием самой действительности здесь нет“ (с. 100). Причину, по которой нет действительного совпадения, Кушин усматривает в том, что „производство для собственного потребления сохраняет господствующее значение не только в то время, когда

возникают лишь первые зачатки товарного обмена, ао и тогда, когда отдельные продукты уже производятся непосредственно, как товары, имеющие значение всеобщих эквивалентов" (с. 100). Следовательно, по Кушину и при осуществлении (само собой разумеется только поверхностном) всеобщей формы стоимости производство для собственного потребления остается господствующим. Иное мы читаем у Маркса. *"Это расщепление продукта труда на полезную вещь и вещь, воплощающую стоимость, осуществимо на практике лишь тогда, когда обмен уже приобрел достаточные размеры и достаточную важность для того, чтобы полезные вещи можно было производить специально для обмена, — а потому характер вещей как стоимостей принимается во внимание уже при самом их производстве"*. (Капитал т. I, с. 32). Отметим, что, во первых-всеобщая форма стоимости по Марксу осуществляется на практике, а, во-вторых, лишь тогда, когда созрели определенные материальные условия, когда обмен приобрел уже достаточные размеры и достаточную важность, а это само собой разумеется не может иметь место, если производство для собственного потребления остается господствующим. Последняя форма стоимости — денежная. И ее возникновение не соответствует развитию товарного общества. Причина несовпадения, Кушиным усматривается в том, что *"достаточным условием для обособления денег от остальных товаров в исторической действительности является превращение излишков из случайного в более или менее постоянное явление... Это общество в целом остается обществом, в котором производство переходит в потребление без посредства обмена. Развитие тонкой пленки товарного общества, хотя и достигшего уже денежной формы, все еще определяется развитием господствующей в обществе формы производства для собственного потребления, не превращая общества в его целом в общество товаропроизводителей"* (стр. 107).

Мы только что показали, что неверно будто для обособления всеобщего эквивалента достаточно превращения обмена излишков из случайного в постоянное явление. Такое превращение является достаточным условием лишь для диалектического перехода от простой формы к развернутой. Для появления всеобщей и вслед за ней денежной формы необходимо, чтобы производство имело своей преимущественной целью обмен. Только *"постепенное расширение меновой торговли, увеличение числа меновых актов и разнообразия входящих в меновую торговлю товаров развивают товар как меновую стоимость, необходимо вызывают образование денег и тем самым действуют разлагающим образом на непосредственную меновую торговлю"* (К критике, с. 88).

Сейчас, мы обращаем внимание на заявление Кушина, что появление денежной формы локализуется тонкой пленкой и не оказывает никакого влияния на общество в целом. Между тем Маркс и Энгельс подчеркивали революционизирующее влияние денег на все общество. *"Если, говорят Энгельс, производящее товары общество развивает присущую товарам как таковым, форму стоимости дальше в форму денег, то выступают наружу и другие различные, еще скрытые в стоимости зародыши. Ближайшим и наиболее существенным результатом является всеобщее распространение товарной формы. Даже производившимся до сих пор для непосредственного собственного потребления продуктам деньги навязывают товарную форму и вовлекают их в обмен. Вместе с тем товарная форма и деньги проникают во внутреннее хозяйство обособленных для непосредственного производства общин, рвут связи общины одну за другой и превращают членов общины в группу отдельных частных товаропроизводителей"* (Антидюринг, с. 297).

И Маркс говорит о том же: *"обмен товаров возникает там, где оканчивается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами. Но раз вещи превратились в товары для внешних отношений, такое же превращение совершается путем обратного действия и для внутренней жизни самой общины"* (Капитал, т. I, с. 44).

Итак, мы приходим к выводу, что развитие форм стоимости соответствует развитию товарного общества, развитию первоначально неразвитых противоречий товара, скрытых, дремлющих в продукте, становящемся товаром. Процесс развития производства из производства продуктов для собственного потребления в товарное производство совпадает с развитием форм стоимости. Об этом красноречиво свидетельствует следующая выдержка из Капитала: *"Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющее в товарной природе противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью. Потребность дать для оборота внешнее выражение этому противоречию заставляет искать самостоятельной формы и не дает покоя до тех пор, пока задача эта не решается окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги. Следовательно, в той же мере, в какой осуществляется превращение продуктов труда в товары, осуществляется превращение товара в деньги"* (Капитал, т. I, с. 43 и 44).

При доказательстве несовпадения логического развития форм стоимости с историческим развитием товарного общества Кушин пользовался одним и тем же методом, он показывал, что эта форма якобы поверхностно осуществляется на практике, когда не созрели все материальные предпосылки для ее действительного осуществления. Но для доказательства этого совершенно недоказуемого положения Кушин избирает следующий способ. Он изображает дело таким образом, будто все формы стоимости являются понятиями о вполне развитом товарном обществе. Так, простая форма стоимости *"это форма, в которой находит себе, хотя и недостаточное выражение, понятие об обществе товаропроизводителей в его вполне развитой и чистой форме. Это понятие об обществе, все производство которого целиком и полностью является товарным производством"* (с. 95). И *"понятие об обществе товаропроизводителей, вытекающее из понятия о развернутой форме стоимости, правда есть еще весьма неразвитое понятие, но все же понятие о вполне развитом обществе товаропроизводителей, а вовсе не понятие о первобытном обществе, достигшем той ступени своего разложения, когда обмен начинает терять свой случайный и единичный характер"* (с. 98).

Собственно говоря, Кушин *"прав"*, когда говорит, что процесс исторического развития товарного общества не совпадает с развитием форм стоимости, но при этом надеется доказать, что он *"прав"* только если признать правильным его развитие форм стоимости. Последнее же в изображении

Кущина принимает весьма своеобразный характер, от такое „развитие“, которое не представляет собой никакого действительного развития, ибо все формы стоимости от первой до последней являются выражением законченного товарного общества. Такого рода мышление ничего общего с диалектикой не имеет, это чистейшей воды метафизика; ибо „для метафизики вещи в их умственные образы, т. е. понятия суть отдельные, неизменные, застывшие раз навсегда данные предметы“ (Энгельс—От утопии к науке, с. 21).

Для материалистической же диалектики, напротив, характерно то, что ее понятия являются умственным отражением изучаемого материала, а материал она изучает в его возникновении, развитии и исчезновении, поэтому и понятия ее не законченные, мертвые, а гибкие, жизненные. На встречу диалектическому характеру изучаемого материала истинная наука несет знание законов диалектического мышления“.

Формы стоимости, открытые Марксом, являются умственным отображением исторического, а, следовательно, диалектического развития товарного общества, начиная с его возникновения до его полного проявления. К развитию форм стоимости может быть целиком отнесена фраза Энгельса, сказанная им по другому поводу: „это процесс исторический, а если он в то же время диалектический процесс, то это вина не Маркса“ (Антидюринг, с. 122).

Кущина в своем изображении диалектического строения Капитала отрывает диалектику от материализма, логический процесс развития категорий от исторического процесса развития отображаемых ими явлений. Тем самым получается изображение в кривом зеркале, злостная карикатура на действительную диалектику Капитала.

Б. Берковский.

Ответственный редактор А. И. Вайнштейн.

Издатель „Государственное Финансовое Издательство Союза ССР“.